

О «самостоятельной» ответственности в исполнительном производстве?

М.Л. Гальперин

доцент кафедры судебной власти факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук. Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: Mikhail.galperin@mail.ru

Аннотация

В статье автор критикует «отраслевой» подход к классификации юридической ответственности, демонстрирует его теоретическую несостоятельность, в том числе на примере ответственности в исполнительном производстве. Признается, что «отраслевой подход» не имеет объективных критериев и не обладает практической ценностью для развития законодательства. При рассмотрении позиций авторов, использующих «отраслевой подход», предмет и метод отрасли права как критерии классификации мер юридической ответственности, следует признать, что такие позиции часто содержат внутренние противоречия, основываются на субъективных научных категориях. Предмет и метод права в традиционном их понимании сами по себе не могут служить основанием для выделения «самостоятельной» ответственности в той или иной сфере. Необходимо оценивать конкретный юридический режим применения ответственности, обусловленный целями, задачами, принципами соответствующей области регулирования.

По итогам анализа существующих позиций относительно «самостоятельности» исполнительного производства и «исполнительно-процессуальной ответственности», которые во многом отражают общую дискуссию о делении права на отрасли, делается вывод о том, что схоластические рассуждения часто отвлекают исследователей от обсуждения конкретных проблем формирования целостной системы мер ответственности в исполнительном производстве. В статье приводятся примеры дублирования мер ответственности, их трансформации, влекущей снижение гарантий прав и интересов субъектов исполнительного производства, иные проблемы построения современной и эффективной системы принуждения в исполнительном производстве. Вместо постоянного расширения мер принуждения в отношении должника в исполнительном производстве, которое не приводит к положительному результату, предлагается, наконец, гармонизировать существующие меры принуждения друг с другом, установить их очередность, предусмотреть порядок применения, соответствующий требованиям соразмерности и справедливости, положениям Конституции РФ. По мнению автора, сегодня необходим именно «качественный», а не «количественный» подход к совершенствованию законодательства об исполнительном производстве. Статья основывается не только на анализе позиций, изложенных в юридической литературе, но и на конкретных примерах из законодательства и актуальной судебной практики, рассмотрении механизмов гражданско-правовой, административной, процессуальной, уголовной ответственности в сфере исполнительного производства.

Ключевые слова

классификация, отрасли права, предмет и метод регулирования, система исполнительного производства, юридическая ответственность, меры принуждения, конституционные начала принудительного исполнения, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность.

Библиографическое описание: Гальперин М.Л. О «самостоятельной» ответственности в исполнительном производстве? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 202–225.

JEL: K10; УДК: 340

В № 4 журнала «Право. Журнал Высшей школы экономики» в 2014 году была опубликована статья Р.Р. Хаснутдинова «Структура системы юридической ответственности»¹. В статье автор на основе «системного» подхода делает вывод, что «мы можем представить структуру системы юридической ответственности в следующем виде: конституционная ответственность; уголовная ответственность; административная ответственность; гражданско-правовая ответственность; трудовая ответственность; финансовая ответственность; семейно-правовая ответственность (как формирующийся вид юридической ответственности); уголовно-исполнительная ответственность; конституционно-процессуальная ответственность (как формирующийся вид юридической ответственности); уголовно-процессуальная ответственность; гражданско-процессуальная ответственность»². При этом в попытке обосновать предложенную структуру системы юридической ответственности используется в том числе общий критерий направленности каждого вида юридической ответственности на «фокусированный полезный результат, формулируемый в соответствии с государственной правовой политикой, например, обеспечение уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства»³.

Нетрудно заметить, что в предложенном в статье списке «самостоятельных» или «формирующихся» (по всей видимости, пока еще «кандидатов на самостоятельность») видов ответственности отсутствует целый ряд видов ответственности, о «самостоятельности» которых в юридической литературе продолжается дискуссия (например, *ответственность в исполнительном производстве*). С учетом сферы наших профессиональных интересов мы решили остановиться именно на указанном виде ответственности для проверки теоретических положений, приведенных в статье. Такую проверку мы произведем после собственно краткой критики тезисов, на которых, *вслед за очень многими учеными*, основывает свои выводы Р.Р. Хаснутдинов. Это позволит на конкретном юридическом материале продемонстрировать действительные проблемы в построении системы и структуры юридической ответственности в современной правовой действительности.

Представляется, что исследования в области теории права (как и любые научные исследования) не могут и не должны сводиться исключительно к юридической схоластике, спору о терминах. Безусловно, рассуждения о назначении права, его общеправовом, социологическом содержании и миссии в обществе имеют самостоятельное значение и могут оперировать исключительно абстрактными категориями. Однако, по нашему мнению, любое общетеоретическое исследование, претендующее на формулирование выводов для системы права в нормативном понимании, использующее в качестве эмпирической основы тексты законодательных и судебных актов, должно обладать определенной ценностью и для развития конкретных правовых институтов. В противном

¹ Хаснутдинов Р.Р. Структура системы юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 30–44.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 34.

случае мы рискуем стать свидетелями окончательного разрыва между теоретической и отраслевой составляющими юридической науки, в то время как в кризисный для правовой системы период именно общая теория права должна объединить разрозненные элементы в единое целое, предложить законодателю обоснованные и эффективные рецепты построения нормативной системы, а правоприменителю — способы преодоления пробелов и противоречий в праве. Очевидно, указанную задачу невозможно решить без выделения четких критериев систематизации массива правовых норм (в том числе норм о юридической ответственности). Но смогла ли общая теория права окончательно решить проблему дифференциации юридической ответственности «по видам»? Представляется, что не вполне.

Перечень «самостоятельных» видов ответственности, приведенный выше, свидетельствует о том, что правоведам до сих пор не удалось в полной мере определить *объективные* критерии деления юридической ответственности на виды. Не вполне ясно, почему некоторые виды ответственности уже сформировались, другие еще формируются, а третьи — даже еще не начали формироваться (видимо, к третьей группе, по мнению Р.Р. Хаснудинова, относится и ответственность в исполнительном производстве), тогда как любой механизм юридической ответственности будет удовлетворять предложенным критериям (прежде всего «фокусированный полезный результат»)⁴.

К неопределенным выводам при классификации ответственности, по нашему мнению, приводят негодные исходные теоретические посылы, используемые как фундамент для возведения «здания» логических рассуждений, непрочность которых может повлечь обрушение всей заботливо сооруженной смысловой конструкции. Таким теоретическим посылом выступил «отраслевой подход» к классификации юридической ответственности.

Если принять на вооружение «отраслевой» подход, то вместо качественного анализа системы юридической ответственности анализ всегда получится количественным. В своей статье Р.Р. Хаснудинов цитирует Д.А. Липинского, который указывает, что отраслевой критерий позволяет выявить общие закономерности развития того или иного вида юридической ответственности, определить его юридическую природу, уяснить количество видов юридической ответственности в соответствии с отраслями отечественного права⁵. Автор статьи, приступая к анализу конкретных видов юридической ответственности, абсолютно верно указал, что для научного обоснования того или иного вида юридической ответственности как структурного элемента (компонента) юридической ответственности необходимо показать *состоятельность* (курсив мой — М.Г.) отраслевого подхода⁶. Однако «состоятельность» отраслевого подхода при классификации юридической ответственности в статье была констатирована лишь на том основании, что он смог выступить в качестве деления ответственности на отраслевые виды⁷.

⁴ Так, Р.Р. Хаснудинов предлагает под структурой системы юридической ответственности понимать «некую» (курсив мой — М.Г.) архитектуру системы юридической ответственности, созданную по закономерностям механизма, обеспечивающего системные связи между видами юридической ответственности посредством фокусированного полезного результата, формулируемого в соответствии с государственной правовой политикой, например обеспечение уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства». См.: Хаснудинов Р.Р. Указ. соч. С. 33–34.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ Там же. С. 39.

В данном случае осмелимся предположить наличие логической ошибки, при которой тезис и его обоснование поменялись местами, обосновывая друг друга.

Большинство исследователей в качестве общего критерия деления юридической ответственности на виды до сих пор использует *предмет и метод* соответствующих отраслей права, а универсальным инструментом подтверждения «самостоятельности» конкретного вида юридической ответственности признает проверку наличия в правовой системе соответствующей «проверяемому» виду юридической ответственности самостоятельной отрасли права (т.е. отрасли права, имеющей собственные *предмет и метод*). Однако отраслевой подход со своей концепцией производности самостоятельного вида юридической ответственности от самостоятельной отрасли права формально допускает существование отраслевой юридической ответственности в каждой отрасли права, которая признана самостоятельной, исходя из общетеоретического учения о предмете и методе правового регулирования. Но такой подход не дает ответов на многие актуальные вопросы классификации юридической ответственности, возникшие в связи с развитием и усложнением общественных (особенно экономических) отношений в стране и, как следствие, усложнением системы права. Буквально несколько десятилетий назад в системе юридической ответственности определяли лишь уголовную, административную, дисциплинарную, гражданско-правовую ответственность, а сейчас в юридической литературе встречаются упоминания не только об особой исполнительно-процессуальной или уголовно-исполнительной, но о конституционной, финансовой и иных видах юридической ответственности⁸. В учебном пособии по практически любой из отраслевых юридических дисциплин (не только по исполнительному производству) можно найти раздел о соответствующем виде юридической ответственности⁹.

Однако наиболее верные сторонники «отраслевого» подхода немедленноотреагировали на попытки адептов «новых» видов юридической ответственности ввести соответствующие правовые категории в научный оборот провозглашением концепции «традиционных» и «нетрадиционных» видов юридической ответственности¹⁰. Следуя указанной концепции, не все самостоятельные отрасли «имеют право» на свою собственную юридическую ответственность, но только основные четыре: гражданское, уголовное, административное, трудовое, а тезис о самостоятельных видах юридической ответственности в других отраслях права «еще недостаточно изучен».

Концепция «традиционных» видов ответственности влечет за собой возникновение серьезного внутреннего противоречия самого отраслевого подхода. Указанная концепция предполагает, что помимо предмета и метода отрасли права есть еще какой-то критерий, позволяющий одним отраслям права иметь в арсенале собственную отраслевую ответственность, а другим — нет, несмотря на то, что и те, и другие имеют собственный предмет и метод. Отраслевой подход не дает ответа на вопрос, что это за дополнительный критерий и каким образом он связан со спецификой предмета и метода соответствующей отрасли права. Он не объясняет и наличия в некоторых отраслях права двух самостоятельных видов юридической ответственности (в сфере трудовых отношений существует и материальная, и дисциплинарная ответственность). Такая ситуация опровергает формулу «одна отрасль права — один вид ответственности».

⁸ Теория государства и права. Учебник / под ред. А.В. Малько. М., 2006. С. 287.

⁹ См., напр.: Шугрина Е.С. Муниципальное право. Учебник. М., 2004. С. 311 (муниципально-правовая ответственность); Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Таможенное право. Учебник. М., 2004. С. 684 (таможенная ответственность).

¹⁰ Гражданский процесс. Учебник / под ред. М.К. Треушников. М., 2003. С. 196 (автор раздела — В.В. Молчанов).

Так, Д.А. Липинский, на трудах которого во многом основываются выводы Р.Р. Хаснутдинова, соглашаясь с тем, что помимо предмета и метода правового регулирования в качестве классифицирующего критерия может быть использована система принципов определенной отрасли права, а также обращая внимание, что в рамках трудового права существует как материальная, так и дисциплинарная ответственность (при отсутствии «дисциплинарного права»), все равно повторяет — при делении ответственности на виды имеют значение лишь предмет и метод¹¹. Также Д.А. Липинский, как представляется, сам отчасти противоречит своему постулату («определяющим критерием в разграничении системы юридической ответственности на виды являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования») указанием, что «любая отрасль права (если она сформировалась в качестве самостоятельной) должна обладать собственным институтом юридической ответственности»¹². Таким образом, неясно, является ли «самостоятельная» ответственность атрибутом «самостоятельной» отрасли, или наоборот?

Но и приверженцы «нетрадиционных» видов юридической ответственности, как правило, также не приводят никаких доводов в пользу самостоятельности соответствующего вида юридической ответственности, кроме традиционных общих аргументов о самостоятельности соответствующей отрасли права. Вместо того, чтобы выдвинуть качественно новые основания классификации юридической ответственности и установить критерии их отграничения от «традиционных» видов, они указывают на комплексный характер соответствующего института ответственности и предлагают включить в такой институт элементы «традиционных» видов ответственности¹³, что также нельзя признать обоснованным. Нет смысла в выделении нового вида юридической ответственности, если он будет сводиться лишь к простой сумме элементов уже известных правовых институтов¹⁴.

Субъективный характер отраслевого подхода может быть ярко продемонстрирован, например, указанием Р.Р. Хаснутдинова, что «финансовую ответственность в числе иных видов юридической ответственности позволяют выделить следующие критерии: во-первых, «самостоятельность соответствующей отрасли права»; во-вторых, «специфика регулируемых общественных отношений»; в-третьих, «самостоятельность и специфика финансового правонарушения»; в-четвертых, «отличительные особенности мер финансовой ответственности и особый порядок их применения»; в-пятых, «состав субъектов, наделенных правом применять меры финансовой ответственности»¹⁵. Примечательно, что основными критериями для объявления того или иного вида ответственности «самостоятельным» в данном случае объявляются критерии «самостоятельности соответствующей отрасли права» и «самостоятельности» правонарушения, являющегося основанием для применения соответствующих мер ответственности.

¹¹ Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2. С. 27–37.

¹² Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12 // СПС Консультант Плюс.

¹³ Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Указ. соч. С. 685; Ерофеев Б.В. Экологическое право России. М., 2005. С. 365.

¹⁴ См. подробнее: Гальперин М.Л. Методологические проблемы изучения ответственности в гражданском судопроизводстве: к вопросу о концепции юридических режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 44–56.

¹⁵ Хаснутдинов Р.Р. Указ. соч. С. 38.

Субъективность критерия «самостоятельности» отрасли права при классификации юридической ответственности проявляется не только в том, что Р.Р. Хаснутдинов и Д.А. Липинский, исходя из абсолютно идентичных посылок, пришли к диаметрально противоположным выводам относительно «самостоятельности», например, «семейно-правовой ответственности» (при том, что оба исследователя признают наличие особых «семейно-правовых» правонарушений как основания ответственности¹⁶), но и в субъективности оценки «самостоятельности» отраслевого правонарушения (закрепления обязанности, которой не исполняет правонарушитель, или собственно мер ответственности в нормативном акте «самостоятельной» отраслевой направленности).

Если признать, что дополнительным признаком, который свидетельствует о самостоятельности вида юридической ответственности, является наличие *кодифицированного нормативно-правового акта* (курсив мой — М.Г.), предусматривающего юридическую ответственность¹⁷, то «право на самостоятельность» получают, например, земельная, градостроительная и семейно-правовая ответственность. Вместе с тем сами приверженцы отраслевого подхода прямо отмечают, что попытки обосновать наличие указанных видов ответственности «выглядят слабо аргументированными», поскольку «отдельная норма, предусмотренная тем или иным нормативно-правовым актом, выдается за целый институт юридической ответственности»¹⁸. Критерии наличия отдельного нормативного правового акта и его статуса не могут служить объективными для классификации юридической ответственности в доктринальных целях, поскольку обусловлены исключительно соображениями правовой политики и юридической техники. Так, например, отсутствие федерального закона под названием «кодекс», регулирующего вопросы защиты окружающей среды, не мешает уважаемым ученым рассуждать о существовании отдельной экологической ответственности¹⁹.

Неопределенность «отраслевого подхода», серьезные методологические проблемы при классификации юридической ответственности (как и иных правовых институтов), с которыми столкнулась отечественная юридическая наука, могут быть продемонстрированы и тем, что при обосновании «самостоятельности» того или иного вида юридической ответственности используются не научно обоснованные универсальные критерии, а определенная механическая сумма исследований по соответствующим вопросам. Так, например, выдвигается тезис, что «самостоятельность уголовно-исполнительной ответственности доказана исследователями и уже не ставится под сомнение»²⁰. Но если мы здесь поставим под сомнение «самостоятельность» уголовно-исполнительной ответственности, будет ли ее необходимо исключить из списка видов ответственности, «официально провозглашенных» самостоятельными, либо для такого исключения необходимо несколько опубликованных статей? Кроме того, сейчас «борьбу за самостоя-

¹⁶ См.: Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности; Хаснутдинов Р.Р. Указ. соч. С. 40.

¹⁷ Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности.

¹⁸ Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12 // СПС Консультант Плюс.

¹⁹ См., напр.: Ерофеев Б.В. Указ. соч. С. 364–407. Некоторым исследователям «системный подход» к классификации юридической ответственности в интерпретации в том числе Д.А. Липинского, позволил использовать «кодифицированный признак» вообще как основной. См.: Васкевич К.Н. Возможность системного подхода при исследовании юридической ответственности за налоговые правонарушения // Административное и муниципальное право. 2014. № 12 // СПС Консультант Плюс.

²⁰ Хаснутдинов Р.Р. Указ. соч. С. 38.

тельность» ведут практически все образовавшиеся в последние десятилетия новые отрасли права, в том числе такая «экзотическая» отрасль, как трубопроводное право²¹. Неужели указанное свидетельствует о возможности формирования в будущем «трубопроводной» ответственности, которая, очевидно, в полной мере будет удовлетворять критерию «фокусированного полезного результата», использованного Р.Р. Хаснутдиновым?

Завершая собственно общую критику отраслевого подхода к классификации юридической ответственности, предположим, что при классификации правовых институтов (в том числе юридической ответственности) особое значение должен иметь соответствующий *юридический режим* (по терминологии С.С. Алексева), а не предмет и метод соответствующей отрасли. Изучая проблему классификации юридической ответственности через призму «юридических режимов», можно сделать вывод, что «отраслевая» классификация юридической ответственности сама по себе не имеет никакой ценности. Классификация видов ответственности по самостоятельным юридическим режимам призвана решить сугубо практические задачи. Определив, к какому из юридических режимов относится та или иная мера ответственности, мы сможем установить, какие еще положения и принципы необходимо иметь в виду для эффективного применения механизма юридической ответственности²².

Справедливо мнение С.С. Алексева, что на практике при рассмотрении и решении юридических дел (в том числе вопроса о привлечении к юридической ответственности) представляется важным видеть следующее: как только субъект «вступил» в сферу той или иной отрасли, сразу же приводится в действие (во всяком случае, в готовность) весь комплекс регулятивных, охранительных, процедурно-процессуальных средств, которые призваны обеспечить в рамках отрасли правовое опосредствование данной жизненной ситуации в характерном для нее юридическом режиме²³. Так, например, основанием самостоятельности уголовной и административной ответственности является вовсе не наличие самостоятельных мер ответственности (тем более, что штраф и арест присутствуют в обеих отраслях права), отдельных кодифицированных актов либо особых субъектов ответственности, а специфический механизм (юридический режим) применения соответствующих принудительных мер, обусловленный *целями, задачами, принципами и основными началами регулирования* соответствующих отношений. В части уголовной ответственности этот режим установлен нормами уголовно-процессуального законодательства и Общей части УК РФ, тогда как в отношении административного штрафа — нормами КоАП РФ. Идеологические различия между двумя механизмами реализации норм об ответственности очевидны²⁴. Несмотря на то, что со-

²¹ См.: Перчик А.И. Трубопроводное право: научное направление, учебная дисциплина, подотрасль транспортного права // Транспортное право. 2005. № 3. С. 37–41.

²² Нельзя согласиться с Н.А. Жильцовой и М.М. Голиченко, которые, справедливо указывая на необходимость учета особенностей соответствующего юридического режима при конструировании механизма отраслевой ответственности, необоснованно сводят юридический режим лишь к определенному соотношению методов убеждения и принуждения в конкретной отрасли права. См.: Жильцова Н.А., Голиченко М.М. Гражданская процессуальная ответственность: Понятие и основания // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 7. С. 2–6.

²³ Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 251.

²⁴ Меры уголовной ответственности накладываются в состязательной судебной процедуре, меры административной ответственности — как правило, органами исполнительной власти без проведения полноценной гласной процедуры, при привлечении к уголовной ответственности всегда проводится предварительное расследование и т.д.

держание штрафа как принудительной меры в уголовном и административном праве сходно, однако формы реализации соответствующей санкции серьезно различаются, что позволяет говорить о «самостоятельных» видах юридической ответственности²⁵.

Теперь, как и следует из названия статьи, предлагаем продемонстрировать проблемы классификации юридической ответственности на примере исполнительного производства. Поскольку отраслевой подход предполагает наличие неразрывной связи между «самостоятельным» видом ответственности и «самостоятельной» отраслью права, начнем собственно с дискуссии о «самостоятельности» исполнительного производства как элемента правовой системы.

Споры о самостоятельности исполнительного производства и существовании «исполнительного права» уже почти четыре десятилетия²⁶ разделяют уважаемых ученых и целые научные школы, как минимум, на два основных лагеря. Представители первого лагеря полагают, что *исполнительное производство представляет собой самостоятельную отрасль права*²⁷. Другие ученые (эта точка зрения исторически возникла первой) считают, что *исполнительное производство является стадией гражданского судопроизводства*, частью гражданского процессуального права²⁸. Кроме того, ряд авторов связывает исполнительное производство с административным правом и процессом, поскольку исполнительное производство представляет собой деятельность должностных лиц — судебных приставов²⁹.

Сторонники первого подхода, отграничивая исполнительное производство от гражданского процесса, обосновывают свою точку зрения тем, что в исполнительном производстве место суда занимает судебный пристав; в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном производстве, реализуются не только судебные акты, но и акты иных уполномоченных органов; исполнительное производство как отрасль права имеет *особые предмет и метод регулирования*, собственные цели, задачи и принципы правового регулирования. По мнению О.В. Исаенковой, характеризуя исполнительное право как отрасль права, необходимо признать, что она обладает всеми признаками родового понятия — отрасли (собственным предметом и методом правового

²⁵ См. подробнее: Гальперин М.Л. Ответственность в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы теории и процессуальной политики. М., 2011. С. 1–35.

²⁶ Первым попытался обосновать тезис о самостоятельности системы норм исполнительного производства от гражданского процесса М.К. Юков. См.: Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: автореферат дис... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 15–17. Подробно о различных взглядах на место исполнительного производства в системе права см.: Валеев Д.Х. Исполнительное производство. Учебник для вузов. СПб., 2010. С. 18–42.

²⁷ См., напр.: Валеев Д.Х. Указ. соч. С. 18–42; Гуцин В.В. Сущность и содержание исполнительного производства по российскому законодательству // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 5. С. 13–17.

²⁸ См., напр.: Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 50–51, Гражданский процесс. Учебник / Под ред. В. А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 2001. С. 432 (автор раздела — С.М. Пелевин); Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть. М., 2007. С. 838–841; Грось Л.А. О сроках в исполнительном производстве // Исполнительное право. 2011. № 1. С. 8; Боннер А.Т. Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? // Законодательство. 2004. № 8. С. 64–75, Гражданский процесс. Учебник / Под ред. М.К. Треушниковой. М., 2003. С. 546–550 (автор раздела — В.М. Шерстюк); Гражданский процесс. Учебник / под ред. М.С. Шакарян. М., 1993. С. 12, 420 (авторы разделов — М.С. Шакарян, А.К. Сергун).

²⁹ См., напр.: Бахрах Д.Н. Административно-процессуальная деятельность государственной администрации // Административное право и процесс. 2009. № 3. С. 2–6; Семенова С.И., Нестолой В.Г. Отраслевая принадлежность исполнительного производства // Исполнительное право. 2012. № 3. С. 31–36.

регулирования, нормативной базой, принципами, особым субъектным составом, своеобразием ответственности) и отличается спецификой содержания этих признаков от других отраслей российского права³⁰. В.В. Ярков указывает, что в пользу самостоятельного внепроцессуального характера исполнительного производства свидетельствует наличие многих специфических черт, в частности, его особые принципы, правовое положение субъектов, характер их деятельности и норм, регулирующих ее. Ученый предлагает характеризовать исполнительное производство как юридическую деятельность, происходящую вне рамок судебного процесса, как деятельность, относящуюся к сфере действия органов исполнительной власти, что и должно определять в концептуальном плане правовую политику в данной сфере³¹.

При этом внутри группы приверженцев самостоятельности исполнительного производства как отрасли права нет единого мнения относительно того, является ли она процессуальной, материальной или комплексной. Соответственно, предлагается и различное наименование «вновь образованной» отрасли права: исполнительное процессуальное право³², гражданское исполнительное право³³, исполнительное право³⁴.

По мнению М.С. Шакарян, полемизировавшей со сторонниками концепции «самостоятельности» исполнительного производства как отрасли права, исполнительное производство является стадией гражданского (арбитражного) процесса. Соответствующий вывод основан в том числе на том, что наличие решения суда само по себе, без возможности принудительного исполнения, как правило, не обеспечивает защиты прав, свобод и интересов. Именно на этом основании Конституционный Суд Российской Федерации и Европейский Суд по правам человека рассматривают исполнение судебных решений как составную часть правосудия³⁵.

Продолжающаяся дискуссия относительно «самостоятельности» исполнительного производства также строится, прежде всего, на отраслевом подходе и связана с определением предмета и метода «исполнительного права». Часто предмет исполнительного производства (исполнительного права) определяют как упорядоченную совокупность (систему) общественных отношений процессуального характера (процессуальных правоотношений), складывающихся по поводу принудительно-исполнительной деятельности судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства³⁶. По

³⁰ Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: автореферат дис... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 10.

³¹ Ярков В.В. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (постатейный) и к Федеральному закону «О судебных приставах». М., 1999. С. 11–13.

³² См., напр.: Валеев Д.Х. Система принципов в исполнительном производстве // Исполнительное право. 2006. № 1. С. 6; Чельшиев М.Ю. Межотраслевые связи исполнительного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 2. С. 37–38.

³³ См., напр.: Ярков В.В. Некоторые принципы гражданского исполнительного права (в связи с постановлением Конституционного Суда России № 10-П от 12.07.2007 г. и новым Федеральным законом «Об исполнительном производстве») / Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшиев. М., 2009. С. 199; Марданов Д.А. Понятие, значение принципов гражданского исполнительного права // Исполнительное право. 2006. № 1. С. 16.

³⁴ См., напр.: Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции. С. 8.

³⁵ Гражданское процессуальное право. Учебник / под ред. М.С. Шакарян. М., 2004. С. 29 (автор раздела — М.С. Шакарян).

³⁶ Гуреев В.А., Гуцин В.В. Исполнительное производство. Учебник для магистров. М., 2012. С. 22–23; Валеев Д.Х. Исполнительное производство. Учебник для вузов. С. 48.

мнению О.В. Исаенковой, исполнительное право регулирует правоотношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства, где субъективное право или охраняемый законом интерес, нарушенный или оспоренный должником и подтвержденный юрисдикционным актом, получает свою реализацию через механизм государственного принуждения³⁷. В свою очередь, метод правового регулирования отношений, возникающих в исполнительном производстве, по мнению большинства исследователей, «характеризуется сочетанием императивности и диспозитивности»³⁸.

Следование традиционным взглядам на предмет и метод права в сфере исполнительного производства приводит ряд авторов к выводу, что одна и та же норма не может одновременно регулировать два различных вида общественных отношений, поэтому одно и то же предписание не может быть включено в две различные отрасли права. Из этого следует, что исполнительное производство не может быть частью гражданского процессуального и арбитражного процессуального права, а нормы исполнительного производства не могут одновременно регулировать гражданские процессуальные и арбитражные процессуальные отношения³⁹. Те же ученые утверждают, что законодательство об исполнительном производстве является *комплексным*, что свидетельствует о комплексном характере соответствующей отрасли права, при этом гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство выступают комплексным по отношению к исполнительному производству⁴⁰.

Соответствующие рассуждения о предмете исполнительного производства могут запутать читателя. Они не только не позволяют уяснить правовую природу конкретных институтов исполнительного производства и определить пути повышения их эффективности, но влекут затруднения при толковании норм законодательства, применении аналогии права или закона для преодоления пробелов в регулировании. Кроме того, из приведенной выше позиции следует вывод, что сегодня даже «базовые» отрасли права, включая гражданское процессуальное, являются «комплексными», т.е. не имеющими своего собственного уникального предмета, что лишает смысла всю дискуссию о предмете отраслевого регулирования.

И предмет отрасли права, и предмет отрасли законодательства зачастую не имеют объективной научной основы. *Вопрос распространения тех или иных норм, институтов, механизмов правового регулирования на определенные общественные отношения часто представляет собой, прежде всего, вопрос правовой политики, а не только лишь правовой теории.* Законодатель в любой момент времени, исходя из сугубо практических соображений, может изменить сферы регулирования отраслей права. Так, например, объединение Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда в 2013–2014 гг. вызвало к жизни вопрос о создании единого процессуального кодекса в сфере гражданского судопроизводства на базе ГПК РФ и АПК РФ, таким образом, о создании единого гражданского процессуального законодательства с единым предметом регулирования. В данном случае решение указанного вопроса будет основываться не на теоретических построениях, не на учении о предмете и методе права, а на политико-правовой целесообразности.

³⁷ Исаенкова О.В. Исполнительное производство. Краткий курс и практикум для студентов и судебных приставов-исполнителей. Саратов, 2009. С. 10.

³⁸ См.: Гуреев В.А., Гуцин В.В. Указ. соч. С. 24–25; Валеев Д.Х. Исполнительное производство. Учебник для вузов. С. 48; Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции. С. 10.

³⁹ Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. М., 2009. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 8–9.

В качестве примера несостоятельности отраслевого подхода в сфере исполнительного производства приведем ст. 78 Федерального закона «Об исполнительном производстве», которая регулирует вопросы обращения взыскания на заложенное имущество. Однородную отраслевую принадлежность соответствующей нормы установить невозможно, поскольку в ней находят свое отражение и положения гражданского законодательства, и законодательства о нотариате и нотариальной деятельности, о гражданском судопроизводстве, о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и собственно законодательства об исполнительном производстве. Несмотря на то, что в одной норме объединены «под единой крышей» публично-правовые и частноправовые элементы различной «отраслевой» направленности, они погружены в юридический режим принудительного исполнения, который в соответствующей норме характеризуется особым сочетанием прав и обязанностей должника, взыскателя и иных лиц, особенностями их реализации, полномочиями судебного пристава-исполнителя, специальным порядком реализации имущества и т.д. Именно такой юридический режим позволяет обеспечить в данном случае цели правового регулирования. Следует ли тратить силы и время на вычленение из приведенной нормы положений той или иной отраслевой направленности или спорить о ее отраслевой принадлежности в целом? Наверное, нет. В данном случае намного важнее эффективность права.

Возвращаясь к методу правового регулирования как дополнительному к предмету критерия деления права на отрасли, заметим, что традиционная триада методов правового регулирования — дозволение, предписание и запрет — применяется законодателем в том или ином сочетании абсолютно во всех сферах регулирования. Нет ни одной отрасли права, в которой использовался бы только один метод регулирования. Таким образом, «уникальный» по мнению некоторых ученых метод исполнительного производства — императивно-диспозитивный — характерен и для десятков других отраслей регулирования и, следовательно, как и предмет регулирования, системообразующим критерием классификации правовой системы не является.

Специфика определенной отрасли не может сама по себе обуславливаться исключительно наличием отдельного законодательного акта, регулирующего соответствующие отношения, его статусом. Например, Д.Х. Валеев полагает, что принятие специального закона в сфере исполнительного производства (Федеральный закон «Об исполнительном производстве» 1997 г.) должно было стать важным доводом против сторонников концепции исполнительного производства как части гражданского процесса⁴¹. Показательно, что сторонники позиции о самостоятельности исполнительного права активно выступают за скорейшее принятие отдельного Исполнительного кодекса РФ, различные концепции и проекты которого выносятся на обсуждение уже более десяти лет⁴². Призывая к немедленной кодификации законодательства об исполнительном производстве, следует помнить, что целью кодификации не может быть создание новой отрасли права либо новой учебной и научной специальности. Формирование объективно новой отрасли права (нового юридического режима) обуславливает такую кодификацию, но не наоборот⁴³.

⁴¹ Валеев Д.Х. Исполнительное производство. Учебник для вузов. С. 19.

⁴² См., напр.: Исполнительный кодекс Российской Федерации. Проект / Под ред. В.М. Шерстюка, В.В. Яркова. М., 2008; Исаенкова О.В. К разработке Исполнительного Кодекса Российской Федерации // Законодательство. 2002. № 1. С. 71–75.

⁴³ См. подробнее: Гальперин М.Л. Исполнительное производство. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2015. С. 34–44.

Теперь остановимся на вопросах ответственности в исполнительном производстве. Рядом автором выдвигается тезис о существовании *самостоятельной* ответственности в исполнительном производстве. В качестве подтверждения указанного тезиса указывается, что исполнительное право является самостоятельной отраслью российского права в силу *своеобразных предмета и метода* регулирования⁴⁴. Д.Х. Валеев предлагает считать штрафы, налагаемые судебным приставом-исполнителем на должника в соответствии с нормами КоАП РФ, мерами не административной, а особой *исполнительно-процессуальной ответственности*. К указанному виду ответственности автор также относит неблагоприятные процессуально-правовые последствия незаконной деятельности, например, привод лица, уклоняющегося от явки по вызову судебного пристава-исполнителя, возвращение исполнительного документа взыскателю либо органу, выдавшему исполнительный документ. По мнению Д.Х. Валеева, имеющиеся специфические особенности и своеобразие мер ответственности в исполнительном производстве позволяют сделать вывод, что современное исполнительное производство не только является самостоятельной процессуальной отраслью права, но и имеет развитую систему юридической ответственности⁴⁵.

Однако если мы проанализируем нормы об ответственности в законодательстве об исполнительном производстве с точки зрения *критериев отраслевого подхода*, на котором основывают свои доводы приверженцы ее «самостоятельности», выяснится, что никакой «самостоятельной» исполнительно-правовой или исполнительно-процессуальной ответственности не существует.

В ст. 113 Федерального закона «Об исполнительном производстве» прямо указано, что в случае нарушения законодательства об исполнительном производстве виновное лицо подвергается *административной или уголовной ответственности*. Ряд авторов предлагает считать, что в ст. 17.14 КоАП РФ «Нарушение законодательства об исполнительном производстве» закреплены меры не административной, а исполнительно-процессуальной ответственности (исходя из *отраслевого подхода*)⁴⁶. Однако эта норма относится именно к **административной ответственности**, поскольку она предусмотрена КоАП РФ, а не Федеральным законом «Об исполнительном производстве», и основанием применения соответствующих мер ответственности является административное правонарушение, посягающее на институт государственной власти, — невыполнение законных требований одного из должностных лиц государства (судебного пристава-исполнителя).

Если в качестве критерия выделения указанной нормы в отдельный вид юридической ответственности принять особый субъект требования, неисполнение которого является правонарушением, либо нормативную принадлежность установленной актом пристава обязанности, то следовало бы признать, что *отдельные виды ответственности* составляют все статьи главы 17 КоАП РФ, предусматривающие, среди прочего, ответственность за неисполнение требований члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы, воспрепятствование деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и т.д. Представляется, что намного более специфична ст. 17.15 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за не-

⁴⁴ См.: Исполнительное производство. Учебник для магистров / под ред. О.В. Исаенковой, С.Ф. Афанасьева. М., 2012. С. 129.

⁴⁵ См.: Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. С. 291–296.

⁴⁶ Валеев Д.Х. Исполнительное производство. Учебник для вузов. С. 200.

исполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера. По смыслу ст. 105 Федерального закона «Об исполнительном производстве» соответствующая норма КоАП РФ в механизме исполнительного производства представляет собой не столько меру ответственности, сколько исполнительное действие, т.е. действие, направленное на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на *понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению* требований исполнительного документа (ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Кроме того, нельзя отнести не только к мерам исполнительно-процессуальной ответственности, но и юридической ответственности вообще **неблагоприятные процессуальные последствия**, связанные с нарушением субъектом исполнительного производства *процессуальной формы реализации своего субъективного права в виде невозможности его осуществления* (например, отказ в возбуждении исполнительного производства)⁴⁷, а также принудительный привод в исполнительном производстве, который является не мерой ответственности, а *обеспечительной мерой*.

Помимо административных штрафов, предусмотренных КоАП РФ, штрафы за нарушения в сфере принудительного исполнения установлены и процессуальными кодексами. Так, например, ст. 431 ГПК РФ и 331 АПК РФ устанавливает **процессуальную ответственность** лица, виновного в утрате переданного ему на исполнение исполнительного листа или судебного приказа. Статья 332 АПК РФ «Ответственность за неисполнение судебного акта» предусматривает *два состава* правонарушений, за которые судом на виновное лицо может быть наложен судебный штраф⁴⁸. При анализе ст. 17.14, 17.15 КоАП РФ, с одной стороны, и ст. 332 АПК РФ, с другой, очевидно дублирование всех элементов состава правонарушений, ответственность за которые предусмотрена КоАП РФ и АПК РФ. Однако судебные штрафы, предусмотренные ГПК РФ и АПК РФ, не могут быть отнесены к мерам административной ответственности. Во-первых, они подлежат наложению не в порядке КоАП РФ, а в соответствии с процессуальными кодексами, устанавливающими особый режим рассмотрения вопроса о наложении судебного штрафа, его сложения или уменьшения, обжалования судебного акта о наложении штрафа (глава 8 ГПК РФ, глава 11 АПК РФ). Во-вторых, в силу ч. 1 ст. 1.1. КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях и не включает в себя нормы ГПК РФ и АПК РФ. Вместе с тем соответствующие меры ответственности не являются и мерами особой исполнительной ответственности, поскольку предусмотрены гражданским процессуальным законодательством (составляющим по терминологии сторонников отраслевого подхода нормативную основу «самостоятельной» отрасли права). Кроме того, они применяются судом, а не судебным приставом-исполнителем, и не за нарушение требований последнего, а за неисполнение судебного акта (неуважение к суду), и не за нарушение в процедуре возбужденного исполнительного производства⁴⁹.

⁴⁷ В литературе соответствующие последствия относят к мерам «неимущественной ответственности» в исполнительном производстве. См., напр.: Исполнительное производство. Учебник для магистров / под ред. О.В. Исаенковой, С.Ф. Афанасьева. С. 135.

⁴⁸ В ГПК РФ отсутствует общая норма о процессуальной ответственности за неисполнение требований судебного решения.

⁴⁹ Ст. 332 АПК РФ должна предусматривать лишь ответственность должника и иных лиц, к которым в силу самого судебного акта либо на основании закона обращен соответствующий судебный

О.В. Исаенкова и С.Ф. Афанасьев, выдвинув постулат об особой «ответственности в исполнительном праве», делят ее на имущественную и неимущественную. При этом к имущественной компенсационной ответственности предлагается отнести и покрытие убытков, неправомерно причиненных одним участником исполнительного производства другому⁵⁰. Вместе с тем, рассматривая применяемые в сфере исполнительного производства меры **гражданско-правовой ответственности**, необходимо констатировать, что они по своему содержанию не отличаются от мер гражданско-правовой ответственности, применяемых в иных сферах. Так, возникающие в сфере принудительного исполнения гражданско-правовые обязательства могут носить как договорный (например, по договору между службой судебных приставов и оценщиком), так и внедоговорный (в том числе деликтный) характер. Таким образом, положения гражданского законодательства о юридической ответственности подлежат применению и в исполнительном производстве. При этом, несмотря на мнение Д.Х. Валеева, следует признать, что меры гражданско-правовой ответственности собственно законодательством об исполнительном производстве не установлены⁵¹, а соответствующие положения Федерального закона «Об исполнительном производстве» (например, ст. 118, 119) дублируют соответствующие нормы гражданского законодательства, которые применяются по общему правилу, без специального указания в законодательстве об исполнительном производстве.

Субъектом гражданско-правовой ответственности в исполнительном производстве (а не какой-то особой имущественной исполнительной ответственности) может являться не только должник (несущий ответственность перед взыскателем)⁵², но и иные субъекты исполнительного производства (включая взыскателя, лиц, содействующих исполнительному производству), а также государство (несущее ответственность за неправомерные деяния судебного пристава-исполнителя перед взыскателем, должником и иными субъектами исполнительного производства)⁵³. С учетом сказанного, гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве, вопреки существующему в юридической литературе мнению⁵⁴, многообразна с точки зрения оснований

акт (например, кредитным организациям, регистрирующим органам и т.д.), нарушающих обязанности по исполнению установленных требований *до или вне возбужденного исполнительного производства* (в отношениях, в которых судебный пристав-исполнитель не участвует). Публично-правовая ответственность в рамках *возбужденного исполнительного производства* должна реализовываться в рамках режима административной, а не процессуальной ответственности, то есть не на основании статьи 332 АПК РФ, а на основании статей 17.14, 17.15 КоАП РФ. Из текста ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ неясно, распространяется ли она на случаи неисполнения кредитной организацией требований исполнительного документа при предъявлении соответствующего требования судебным приставом-исполнителем или взыскателем самостоятельно в соответствии со ст. 8 Закона об исполнительном производстве, либо в обоих случаях. Представляется, что речь в данном случае идет об исполнении без участия судебного пристава-исполнителя, в противном случае возникает прямое дублирование ст. 332 АПК РФ и 17.14 КоАП РФ.

⁵⁰ Исполнительное производство. Учебник для магистров / Под ред. О.В. Исаенковой, С.Ф. Афанасьева. С. 131–134.

⁵¹ Валеев Д.Х. Исполнительное производство. Учебник для вузов. С. 196.

⁵² Например, в силу ст. 395, 397 ГК РФ или ст. 115 Семейного кодекса РФ.

⁵³ С требованием о возмещении причиненного в исполнительном производстве вреда к государству в силу ст. 1069 ГК РФ, как правило, обращаются должник, чье имущество было утрачено или повреждено в процессе обращения на него взыскания (или реализовано по заниженной стоимости), либо третьи лица, на чье имущество было неправомерно обращено взыскание. См., напр.: Определение ВАС РФ от 09.06.2014 № ВАС-7765/14 по делу № А29-7693/2012.

⁵⁴ См., напр.: Исполнительное производство. Учебник для магистров / под ред. О.В. Исаенковой, С.Ф. Афанасьева. С. 131.

применения, а также разнонаправлена с точки зрения субъектов (как и другие виды юридической ответственности в исполнительном производстве). Вместе с тем на практике до сих пор при привлечении к гражданско-правовой ответственности в стадии принудительного исполнения не применяются многие элементы ее механизма, например, институт *смешанной вины*. Этот институт позволил бы учитывать и вину, в частности, взыскателя, не проявляющего должной активности в исполнительном производстве, либо изначально действовавшего легкомысленно при вступлении в отношения с заведомо ненадежным контрагентом, но в последующем в исполнительном производстве требующего от государства «любой ценой» взыскать в свою пользу по фактически неисполнимому исполнительному документу.

Завершая краткий обзор применения отдельных видов отраслевой юридической ответственности в сфере исполнительного производства, заметим, что с точки зрения «отраслевого подхода» и меры **уголовной ответственности**, применяемые в определенных случаях за неисполнение требований исполнительного документа (например, ст. 315 УК РФ), не могут *считаться мерами «особой ответственности в исполнительном праве»*.

Особое место среди мер принуждения в исполнительном производстве занимает **исполнительский сбор**. Ряд авторов исходит из того, что исполнительский сбор должен рассматриваться как определенная плата государству за «услугу» по принудительному исполнению, которую оно оказывает взыскателю. При этом такую плату за взыскателя вносит должник. Другие ученые полагают, что исполнительский сбор — это имущественная санкция, применяемая к должнику за отказ от добровольного исполнения⁵⁵. Вопрос о правовой природе исполнительского сбора, как и других институтов исполнительного производства, имеет сугубо практический характер. От его решения зависит, каким образом должны быть определены условия и порядок его применения, как обеспечить его эффективное функционирование в системе иных мер принуждения в исполнительном производстве.

Из текста ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» следует вывод, что исполнительский сбор представляет собой меру гражданско-правовой ответственности. Помимо указания, что освобождение должника от взыскания исполнительского сбора осуществляется по основаниям, предусмотренным ГК РФ для освобождения от гражданско-правовой ответственности (глава 25 ГК РФ), законодатель предоставляет право должнику обращаться в суд с *иском* об отсрочке или о рассрочке его взыскания, об уменьшении его размера или освобождении от взыскания исполнительского сбора. Очевидно, исковая форма защиты права, предполагающая равенство субъектов частноправового отношения, свидетельствует о гражданско-правовых отношениях государства и должника при взыскании исполнительского сбора.

Развивая позицию о гражданско-правовом характере исполнительского сбора, следовало бы признать, что он представляет собой своеобразную разновидность законной неустойки (правда, в пользу государства, а не взыскателя-кредитора). При этом ч. 1 ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» устанавливает *более строгую ответственность* должника, чем предусмотрена ГК РФ, предусматривая единственное основание для освобождения от исполнительского сбора — невозможность исполнения вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. При этом такой режим ответственности ст. 401 ГК РФ установлен не для всех должников, а лишь для *лиц, не исполнивших обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности*. Иные лица, исходя

⁵⁵ См. подробнее: Гуреев В.А., Гуцин В.В. Указ. соч. С. 291–294.

из п. 1 ст. 401 ГК РФ, *должны признаваться невиновными*, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от них требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, они приняли все меры для надлежащего исполнения обязательства. Обратим также внимание на п. 3 ст. 401 ГК РФ, который прямо предусматривает, что к обстоятельствам непреодолимой силы не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, *отсутствие у должника необходимых денежных средств*.

Однако даже беглый анализ ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» выявляет ряд обстоятельств, позволяющих усомниться в том, что исполнительский сбор представляет собой именно меру гражданско-правовой ответственности. Во-первых, неясно, каким образом исполнительский сбор связан с такой универсальной мерой гражданско-правовой ответственности как возмещение убытков. Очевидно, что государство в связи с исполнением исполнительного документа вообще не вступает с должником в гражданские правоотношения, выступает по отношению к нему как властный субъект, осуществляющий публичное принуждение. Таким образом, от действий должника непосредственно у государства гражданско-правовых убытков не возникает (*в отличие от взыскателя*).

Во-вторых, ч. 7 ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» позволяет суду по заявлению должника *с учетом степени вины должника* в неисполнении в срок исполнительного документа, имущественного положения должника, иных существенных обстоятельств отсрочить или рассрочить взыскание исполнительского сбора, а также уменьшить его размер. В данном случае налицо исключение из общего принципа невиновной ответственности в виде исполнительского сбора, закрепленного в ч. 1 ст. 112 Федерального закона об исполнительном производстве (с учетом ст. 401 ГК РФ).

В-третьих, исполнительский сбор, исходя из ч. 1 ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве», применяется не только по частным, но и по публичным взысканиям, которые реализуются в рамках отношений «власти-подчинения», например, при взыскании недоимки по налогам. В данном случае говорить о гражданских правоотношениях между государством и должником не приходится, а «убытки» государства в связи с несвоевременным исполнением обязанности, подтвержденной исполнительным документом, возмещаются посредством использования публично-правовых механизмов пеней и штрафов. Кроме того, исполнительский сбор взыскивается не только по судебным, но и по *несудебным исполнительным документам*. Однако в силу ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» вопрос об отсрочке или о рассрочке его взыскания, об уменьшении его размера или освобождении от взыскания исполнительского сбора по непонятной причине всегда решается *судом в исковом производстве*.

Конституционный Суд РФ справедливо определил правовую природу исполнительского сбора как *меры публично-правовой ответственности*⁵⁶, что, исходя из конституционных положений, предполагает определенный набор материально-правовых и процессуальных гарантий для лица, привлекаемого к ответственности, в том числе необходимость *учета степени вины правонарушителя* при определении размера *дифференцированной* законом санкции (как это предусмотрено, например, ст. 4.1. КоАП РФ

⁵⁶ П. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский»».

при назначении административного наказания). Одновременно, исходя из ст. 1.1 и 3.2. КоАП РФ, исполнительский сбор по формальным признакам не может быть отнесен к административному наказанию.

В свою очередь, ВАС РФ посчитал возможным⁵⁷ учитывать степень вины должника не только при решении вопроса *о снижении размера взыскания* (как предусмотрено ч. 7 ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), но и при решении вопроса *об освобождении от ответственности* (что прямо не вытекает из Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

С учетом указанного выше выглядит необоснованным использование законодателем иска в качестве процессуальной формы заявления требования об отсрочке или о рассрочке взыскания исполнительского сбора, об уменьшении его размера или освобождении от взыскания исполнительского сбора. Исходя из п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве», должник *вправе оспорить* постановление судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора в тех случаях, когда полагает, что такое постановление *не соответствует закону* или иному нормативному правовому акту и нарушает его права и законные интересы (ч. 1 ст. 198 АПК РФ). Однако *оспорить в порядке производства из публичных правоотношений* постановление судебного пристава-исполнителя как *незаконное* лишь на том основании, что он, например, не уменьшил исполнительский сбор или не освободил должника от уплаты, нельзя⁵⁸. Судебный пристав-исполнитель по смыслу ч. 1 ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» при принятии решения о взыскании исполнительского сбора не должен по собственной инициативе выявлять обстоятельства, влекущие освобождение должника от взыскания исполнительского сбора либо уменьшение его размера. В данном случае действует *презумпция виновности* должника в неисполнении без уважительных причин требования исполнительного документа в установленный срок.

Указанное, однако, не свидетельствует о том, что изменение постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора в случае выявления таких обстоятельств в дальнейшем возможно только в форме решения суда по предъявленному должником государству иску. В данном случае возможно было бы использование в законодательстве об исполнительном производстве существующего в механизме *процессуальной ответственности* института *сложения или уменьшения* судебного штрафа *определением суда по заявлению лица*, на которое наложен штраф (ст. 106 ГПК РФ).

Подытоживая рассмотрение исполнительского сбора как меры принуждения в исполнительном производстве, отметим, что сегодня он представляет собой пример *смешанного юридического режима*, объединяющего элементы частноправового (гражданская) и публично-правового (административная, процессуальная) режима ответственности. Однако повышение эффективности института исполнительского сбора может осуществляться посредством развития его в законодательстве не как меры частноправовой, а публично-правовой ответственности, в том числе с учетом позиции Конституционного Суда РФ, упомянутой выше⁵⁹.

⁵⁷ П. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве».

⁵⁸ За исключением случаев, когда должник в установленном законом порядке до момента вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора сообщил судебному приставу о наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

⁵⁹ Подробнее об ответственности в исполнительном производстве см.: *Гальперин М.Л.* Исполнительное производство. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. С. 364–393.

Пока продолжают часто беспочвенные и абстрактные споры о «самостоятельности» исполнительного производства и исполнительской ответственности в условиях отсутствия четкого понимания условий и пределов применения тех или иных мер принуждения, мы становимся свидетелями не только «нагромождения», но и «мутации» мер юридической ответственности в исполнительном производстве, в которых нет системы. Далеко и до «четко отработанной внутренней архитектоники» (последний термин из статьи Р.Р. Хаснудинова, обсуждаемой выше)⁶⁰. О чем идет речь?

Во-первых, в законодательстве об исполнительном производстве, несмотря на большой объем мер принуждения до сих пор не установлена соответствующая очередность их применения к должнику, которая обеспечивала бы, с одной стороны, эффективное исполнение требования исполнительного документа, а с другой, — гарантировала бы баланс прав и законных интересов обеих сторон исполнительного производства. Например, в соответствии со ст. 105 Федерального закона «Об исполнительном производстве» при уклонении должника от исполнения требования неимущественного характера применяются за одно и то же бездействие и административный штраф в соответствии со ст. 17.15 КоАП РФ, и исполнительский сбор. Обе меры представляют собой меры публично-правовой ответственности в виде взыскания денежной суммы в пользу государства.

Во-вторых, пока отсутствует и четкая очередность применения судебным приставом-исполнителем исполнительных действий, предусмотренных ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Так, например, непосредственно после истечения пятидневного срока на «добровольное» исполнение на должника может одновременно «обрушиться» весь комплекс принудительных мер, предусмотренных законодательством (арест имущества, установление ограничения на выезд за рубеж, исполнительский сбор и т.д.). В случае с неимущественными взысканиями в «волне» исполнительных действий присутствуют и меры административной ответственности, что было отмечено выше.

В-третьих, частичное дублирование мер ответственности в исполнительном производстве наиболее ярко проявляется при применении мер гражданско-правовой ответственности. В отношении должника предусмотрены не только взыскание расходов на исполнение, но и ответственность за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), индексация взысканных денежных средств (мера, формально не являющаяся мерой ответственности, но направленная на полное удовлетворение имущественных интересов взыскателя).⁶¹ Примечательно, что в исполнительном производстве возможно дублирование гражданско-правовой ответственности не только должника, но и самого государства. Например, судебная практика идет по пути обеспечения права на возмещения вреда, причиненного утратой в исполнительном производстве изъятого у должника имущества, не только собственнику должника как его собственника, но и взыскателя, который потерял возможность получить взысканное за счет утраченного имущества⁶².

⁶⁰ Хаснудинов Р.Р. Указ. соч. С. 34.

⁶¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 № 618-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зеленского Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 208 и статьей 210 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

⁶² См., напр.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 22.05.2013 по делу № А43-17802/2012, п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве». В такой ситуации конкуренции требований, по нашему

С 1 июня 2015 г. в силу вступает новая ст. 308.3 ГК РФ, предусматривающая выплату должником в пользу кредитора особой неустойки, установленной судом, *на случай неисполнения должником обязательства в натуре*⁶³. Заметим, что по своей правовой природе указанная неустойка отличается от денежной суммы, которая предусмотрена в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта». Несмотря на то, что законодатель в ст. 308.3 попытался кодифицировать позицию ВАС РФ о возможности существования в отечественной правовой системе института «астрента»⁶⁴, в итоге возникли две новых дублирующих меры ответственности. Первая, предложенная ВАС РФ, представляет собой штраф, размер которого устанавливается судом, а не законом или договором, «за ожидание» (по терминологии ВАС РФ) исполнения решения суда, обязывающего ответчика совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенного действия. Такая мера по своему характеру представляет собой пример «смешанного» правового режима, о котором мы говорили выше. Она направлена не только на *компенсацию* потерь взыскателя от затягивания исполнения *обязательства*, но и на *наказание* должника за неисполнение *судебного акта*, за неуважение к суду как органу публичной власти⁶⁵.

Исходя из позиции ВАС РФ, выплата соответствующей суммы, очевидно, *не освобождает* должника от исполнения основного обязательства. Меру, предложенную ВАС РФ, объединяет с мерами публично-правового характера и то, что суд при определении размера соответствующей суммы должен учитывать *степень затруднительности исполнения судебного акта*, возможности ответчика по добровольному исполнению, *его имущественное положение*, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства. По сути, суду предлагается определить *вину* должника не только в качестве условия привлечения его к ответственности (как в гражданско-правовой ответственности), но и для *определения размера санкции* (как в публично-правовой ответственности, направленной не на полную компенсацию вреда потерпевшему, а на наказание правонарушителя)⁶⁶. Соответствующие положения отсутствуют в ст. 308.3 ГК РФ.

В свою очередь мера, предусмотренная новой ст. 308.3 ГК РФ, является неустойкой (на п. 1 ст. 330 ГК есть прямая ссылка в ст. 308.3 ГК РФ) за неисполнение обязательства в натуре. Таким образом, в силу п. 2 ст. 396 ГК РФ уплата подобной неустойки, по общему правилу, *освобождает должника* от исполнения основного обязательства, и представляет собой, по сути, установленный судом *факультативный* денежный способ исполнения судебного решения (очевидно, иная идея была у авторов поправок к про-

мнению, защита субъективного права должника должна иметь приоритет перед защитой законного интереса взыскателя. У взыскателя в исполнительном производстве нет *субъективного гражданского права* требовать у государства принудительного исполнения исполнительного документа в его пользу, но лишь *имущественный интерес* в получении взысканного.

⁶³ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁶⁴ О дискуссии относительно п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» см. подробнее: Астрент в российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 34–47; Гальперин М.Л. Исполнительное производство. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. С. 371–373.

⁶⁵ Такая «смешанная» мера ответственности отчасти схожа со штрафом в пользу истца за несоблюдение досудебного порядка удовлетворения требования потребителя, предусмотренным ч. 6 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

⁶⁶ См.: Иоффе О.С. Избранные труды. Т.1. СПб., 2003. С. 483.

екту закона о внесении изменений в ГК РФ)⁶⁷. К такому выводу можно прийти и при системном толковании ст. 308.3 ГК РФ, которая помещена в ГК РФ сразу после норм об альтернативных и факультативных обязательствах. Более того, п. 2 ст. 308.3 ГК РФ прямо противопоставляет меру, предусмотренную п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, мерам *ответственности* за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства (глава 25 ГК РФ), которые могут применяться к должнику дополнительно.

В-четвертых, интересным явлением в сфере исполнительного производства, которое мы обозначили выше как «мутацию» мер ответственности, является трансформация исполнительных действий и иных мер принуждения в исполнительном производстве в сознании субъектов исполнительного производства в меры ответственности, а мер ответственности — в исполнительные действия и меры принудительного исполнения. Например, ограничение на выезд за рубеж, которое по своему назначению является *обеспечительной* мерой, используется в правоприменительной практике в качестве *меры наказания* должника (правда, без предоставления должнику соответствующих гарантий при привлечении к ответственности). В последнее время все настойчивее предлагается расширение перечня возможных ограничений личных прав должника, в том числе за счет включения в него лишения водительских прав. Очевидно, такие меры должны конструироваться в законе не как исполнительное действие, а как мера ответственности с соответствующим правовым режимом применения⁶⁸.

Напротив, некоторые меры ответственности превращаются в исполнительные действия, и вместо собственно *ретроспективного наказания* правонарушителя, устранения *последствий* нарушения они направлены исключительно на то, чтобы *мотивировать* нарушителя к *самостоятельному перспективному* исполнению требований исполнительных документов. В целом большинство мер юридической ответственности, применяемых в исполнительном производстве, направлены не на обеспечение *бездействия* (воздержание от совершения незаконного действия как общая цель ответственности), а как раз на поощрение совершения законного *действия* (исполнения требования исполнительного документа).

Помимо уже упомянутых административных штрафов (ст. 17.15 КоАП РФ) и исполнительского сбора (которые, зачастую, являются вообще единственными доступными мерами воздействия на должника), к таким «побудительным» мерам можно отнести и *предупреждение должника об уголовной ответственности* за неисполнение исполнительного документа. В соответствии с ч. 18 ст. 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случаях, когда исполнение судебного акта возлагается на должностных лиц, судебный пристав-исполнитель *в постановлении о возбуждении исполнительного производства* предупреждает обязанных лиц об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ за неисполнение судебного акта, а равно воспрепятствование его исполнению.

В судебной практике направляемое судебным приставом-исполнителем должнику предупреждение об уголовной ответственности воспринимается, как правило, в качестве исполнительного действия, прямо не поименованного в ст. 64 Федерального закона

⁶⁷ Статьей 205 ГПК РФ уже давно предусмотрено не только право, но обязанность суда при приговоре имущества в натуре указать в решении стоимость этого имущества, которая должна быть взыскана с ответчика в случае, если при исполнении решения суда присужденное имущество не окажется в наличии.

⁶⁸ См., подробнее: *Гальперин М.Л.* Можно ли должников лишать водительских прав, или Кто должен писать законы? // Закон. 2015. № 2. С. 123–136.

«Об исполнительном производстве»⁶⁹. В соответствии с уголовным законодательством такое предупреждение *не является* необходимым условием привлечения в дальнейшем должника к уголовной ответственности, доказывания его вины и осведомленности в противозаконном характере совершаемого деяния. Однако в механизме исполнительного производства направление письменной угрозы уголовного наказания приобрело собственное значение, не являясь мерой ответственности само по себе.

В заключение следует констатировать следующее. Отраслевой подход к классификации юридической ответственности не только не имеет самостоятельного познавательного и методологического значения, но продемонстрировал свою несостоятельность как основа для формирования и развития системы юридической ответственности (что было продемонстрировано на примере исполнительного производства). В сфере исполнительного производства действуют различные меры юридической ответственности, некоторые из которых применяются в рамках «первоначального» юридического режима, например, меры уголовной ответственности, другие приобретают новую форму и даже назначение, попадая в иной юридический режим (например, некоторые меры гражданско-правовой или административной ответственности). Мы живем в условиях *господства* «смешанных» (по терминологии С.С. Алексеева) юридических режимов, комплексных отраслей законодательства, сложносоставных методов и приемов правового регулирования, функционирование которых непосредственно связано со специфическими целями правовой политики в той или иной сфере. Так, общая специфическая задача исполнительного производства (обреченного всегда оставаться «смешанным» правовым режимом в связи с разнородным характером исполнительных документов) как элемент соответствующего юридического режима — это правильное и своевременное принудительное исполнение требований исполнительных документов. Соответствующая задача определяет принципы регулирования, влияет на формирование тех или иных специфических мер воздействия на субъектов соответствующих отношений.

Указанное, однако, не освобождает ни законодателя, ни ученых от выстраивания системы таких мер (которая пока отсутствует), установления их четкой очередности, дифференциации по механизмам применения в зависимости от общих целей и задач соответствующего юридического режима, а также конституционного баланса прав и законных интересов всех субъектов отношений, требований соразмерности и справедливости применения государственного принуждения. В противном случае *количество* установленных законом мер ответственности никогда не перейдет в *качество* их применения⁷⁰.

Библиография

Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

Боннер А.Т. Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? // Законодательство. 2004. № 8. С. 64–75.

⁶⁹ Есть также судебная практика самостоятельного обжалования должником предупреждения об уголовной ответственности как исполнительного действия. См., напр.: постановление ФАС Волго-Вятского округа от 12.07.2013 по делу № А29-8918/2012, постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.09.2014 по делу № А40-36980/14.

⁷⁰ Несмотря на расширение в последние годы принудительных полномочий судебных приставов процент фактического исполнения требований исполнительных документов неуклонно снижается (63,7% — в 2011, 45,4% — в 2012, 41,4% — в 2013, 40,1% — в 2014). См.: <http://fssprus.ru/indicators/> (дата обращения — 18.05.2015)

- Валеев Д.Х. Исполнительное производство. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2010. 432 с.
- Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. М.: Статут, 2009. 351 с.
- Гальперин М.Л. Исполнительное производство. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 453 с.
- Гальперин М.Л. Методологические проблемы изучения ответственности в гражданском судопроизводстве: к вопросу о концепции юридических режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 44–56.
- Гальперин М.Л. Ответственность в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы теории и процессуальной политики. М.: Волтерс Клувер, 2011. 256 с.
- Гальперин М.Л. Можно ли должников лишать водительских прав, или Кто должен писать законы? // Закон. 2015. № 2. С. 123–136.
- Грось Л.А. О сроках в исполнительном производстве // Исполнительное право. 2011. № 1. С. 8–12.
- Гуреев В.А., Гушин В.В. Исполнительное производство. Учебник для магистров. М.: Юрайт, 2012. 559 с.
- Гушин В.В. Сущность и содержание исполнительного производства по российскому законодательству // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 5. С. 13–17.
- Исаенкова О.В. К разработке Исполнительного Кодекса Российской Федерации // Законодательство. 2002. № 1. С. 71–75.
- Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: Автореферат дисс... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2003. 380 с.
- Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2. С. 27–37.
- Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12 // СПС Консультант Плюс.
- Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12 // СПС Консультант Плюс.
- Марданов Д. А. Понятие, значение принципов гражданского исполнительного права // Исполнительное право. 2006. № 1. С. 16–18.
- Хаснудинов Р.Р. Структура системы юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 30–44.
- Челышев М.Ю. Межотраслевые связи исполнительного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 2. С. 37–39.
- Ярков В.В. Некоторые принципы гражданского исполнительного права (в связи с постановлением Конституционного Суда России № 10-П от 12.07.2007 и новым Федеральным законом «Об исполнительном производстве») / Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2009. С. 198–210.
-

Does Independent Liability Exist in Court Enforcement Proceedings?

Mikhail L. Galperin

Associate Professor, PhD, LL.M (London), Department of Judicial Power, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Candidate of Juridical Sciences. Address: 20 Myasnikaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: Mikhail.galperin@mail.ru

Abstract

In the article, the author criticizes the “divisional” approach to the classification of legal liability, demonstrates its theoretical inconsistency using the liability in the court enforcement proceeding as an example. The paper recognizes that the “divisional” approach lacks objective criteria, as well as practical value for the development of legislation. Having considered the positions of the authors who use the divisional approach, object and method of law as the criteria for classifying liability, we came to the conclusion that such positions are controversial as they are based on the subjective scientific views. Object and method of law in their traditional interpretation could not be considered individually as the basis for *independent* liability in particular sphere. It is essential to analyze a specific legal regime of applying sanctions based on the aims and principles of regulation. To summarize the analysis of the scientists’ positions regarding the *independence* of the court enforcement proceeding and *enforcement* liability, which mostly reflects the general discussion on the division of law, it is stated by the author that scholastic speculations often distract researchers from the current problems of liability in court enforcement proceedings. To demonstrate it, the author lists the examples of duplication of the sanctions, their transformation, which leads to the reduction of the level of legal guarantees for subjects, other problems of developing the modern and effective system of court enforcement proceedings. Instead of the permanent expansion of sanction with regard to the debtor, which does not bring any positive effect, it is suggested to harmonize the existing sanctions, to set up their priority and mechanism of application, which will be in consistent with principles of adequacy, justice and constitutional provisions. In the author’s opinion, today not just *quantitative*, but *qualitative* approach is required for improving legislation, regulating the court enforcement. The article is based not only on the analysis of the positions in legal literature, but on particular examples from legislation and current court practice, analysis of the mechanisms of civil, administrative, procedural, criminal liability in the sphere of the court enforcement.

Keywords

classification; divisions of law; object and method of regulation; system of court enforcement proceeding; legal liability legal enforcement; constitutional principles of legal enforcement; civil liability; administrative liability; criminal liability.

Citation: Galperin M.L. (2015) Does *Independent* Liability Exist in Court Enforcement Proceedings? *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 202–225 (in Russian).

References

- Alekseev S.S. (1999) *Pravo: azbuka — teoriya — filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC — Theory — Philosophy]. Moscow: Statut, 712 p.
- Bonner A.T. (2004) *Ispolnitel'noe proizvodstvo: otrasl' rossiyskogo prava ili stadiya protsessa?* [Enforcement Proceedings: a Branch of Russian Law or a Stage of Process?]. *Zakonodatel'stvo*, no 8, pp. 64–75.
- Gal'perin M.L. (2011) Metodologicheskie problemy izucheniya otvetstvennosti v grazhdanskom sudoproizvodstve: k voprosu o kontseptsii yuridicheskikh rezhimov [Methodological Issues of Studying Liability in Civil Proceedings: Re the Conception of Legal Regimes]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 1, p. 44–56.
- Gal'perin M.L. (2011) *Otvetstvennost' v grazhdanskom sudoproizvodstve: aktual'nye voprosy teorii i protsessual'noy politiki* [Liability in Civil Proceedings: Topical Problems of Theory and Procedural Policy]. Moscow: Volters Kluwer, 256 p.
- Gal'perin M.L. (2015) *Ispolnitel'noe proizvodstvo. Uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury* [Enforcement Proceedings. Textbook for Bachelor and Master Students]. Moscow: Yurait, 453 p.
- Gal'perin M.L. (2015) *Mozhno li dolzhnikov lishat' voditel'skikh prav, ili Kto dolzhen pisat' zakony* [Can Debtors be Suspended of Driving License, or Who should Write Laws]. *Zakon*, no 2, pp. 123–136.
- Chelyshev M.Yu. (2007) *Mezhotraslevye svyazi ispolnitel'nogo protsessual'nogo prava* [Interbranch Ties of Enforcement Procedural Law]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, no 2, pp. 37–39.
- Gros' L.A. (2011) *O srokakh v ispolnitel'nom proizvodstve* [On Laws in Executive Proceedings]. *Ispolnitel'noe pravo*, no 1, pp. 8–12.

- Gureev V.A., Gushchin V.V. (2012) *Ispolnitel'noe proizvodstvo. Uchebnik dlya magistrrov* [Executive Proceedings]. Moscow: Yurait, 559 p.
- Gushchin V.V. (2013) Sushchnost' i sodержanie ispolnitel'nogo proizvodstva po rossiyskomu zakonodatel'stvu [Essence and Content of Executive Proceedings under Russian Law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no 5, pp. 13–17.
- Isaenkova O.V. (2002) K razrabotke Ispolnitel'nogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii [To the Draft of the RF Executive Code]. *Zakonodatel'stvo*, no 1, pp. 71–75.
- Isaenkova O.V. (2003) Problemy ispolnitel'nogo prava v grazhdanskoj yurisdiktsii. (*Diss. Doktor. Jurid. Nauk*). [Problems of Executive Law in Civil Jurisdiction. (Doct. of juridical sciences dissertation)]. Saratov, 380 p.
- Khasnutdinov R.R. (2014) Struktura sistemy yuridicheskoy otvetstvennosti [Structure of the System of Legal Liability] *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 30–44.
- Lipinskiy D.A. (2003) O sisteme prava i vidakh yuridicheskoy otvetstvennosti [On the System of law and types of Legal Liability]. *Pravovedenie*, no 2, pp. 27–37.
- Lipinskiy D.A. (2004) O nekotorykh problemakh sistemy yuridicheskoy otvetstvennosti [On some Issues of the System of Legal Liability]. *Pravo i politika*, no 12 // SPS Konsul'tantPlyus.
- Lipinskiy D.A. (2013) Yuridicheskaya otvetstvennost' kak institut prava [Legal Liability as an Institute of Law]. *Yurist*, no 12 // SPS Konsul'tantPlyus.
- Mardanov D. A. (2006) Ponyatie, znachenie printsipov grazhdanskogo ispolnitel'nogo prava [Concept, Significance of Principles of Civil Enforcement Law]. *Ispolnitel'noe pravo*, no 1, pp. 16–18.
- Yarkov V.V. (2009) Nekotorye printsipy grazhdanskogo ispolnitel'nogo prava (v svyazi s postanovleniem Konstitutsionnogo Suda Rossii № 10-P ot 12.07.2007 g. i novym Federal'nym zakonom «Ob ispolnitel'nom proizvodstve») [Some Principles of Civil Executive Law in context of the Ruling of the Constitutional Court of Russian Federation On Executive Proceedings]. Valeev D.Kh., Chelyshev M.Yu. (eds.) *Ispolnitel'noe proizvodstvo: protsessual'naya priroda i tsivilisticheskie osnovy* [Enforcement Proceedings: Procedural Essence and Civilistic Fundamentals]. Moscow: Statut, pp. 198–210.
- Valeev D.Kh. (2010) *Ispolnitel'noe proizvodstvo. Uchebnik dlya vuzov*. [Enforcement Proceedings. Textbook]. Saint Petersburg: Piter, 432 p.
- Valeev D.Kh. (2009) *Sistema protsessual'nykh garantiy prav grazhdan i organizatsiy v ispolnitel'nom proizvodstve* [System of Procedural Guarantees of the Rights of Citizens and Entities in Enforcement Proceedings]. Moscow: Statut, 351 p.